

НЕКОТОРЫЕ ТРИНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОГО ЕДИНСТВА

1.

Пресвященные иерархи, досточтимые богословы, братья и сестры во Христе!

Позвольте мне сказать, сколь велика для меня честь быть приглашенным на это собрание. Я член Лютеранской Церкви, и не каждый день и даже не каждое столетие случается так, что лютеранский богослов обращается к богословскому собранию Русского Патриархата. Для меня также является честью передать приветствие от одного из лидеров Епископальной Церкви, ныне пребывающего на покое епископа Нью-Йоркского Ричарда Грайна, друга некоторых из здесь присутствующих.

Ваша конференция посвящена экклезиологии. Поскольку я обращаюсь к вам в качестве, как говорят в Западной Церкви, «разделенного брата», мне кажется, будет уместно выбрать в качестве темы моего выступления единство Церкви.

Бесспорно, отношения между Русской Церковью и Лютеранской Церковью не столь напряженны, как отношения Русской Церкви с некоторыми другими западными общинами. Лютеране в России не занимаются прозелитизмом среди русских верующих, и русская иерархия благосклонно относится к здешним лютеранским общинам. Более того, время от времени происходит живой обмен мнениями между русскими богословами и философами и немецкими богословами и философами, в основном лютеранами. Но факт остается фактом: мы не находимся в церковном общении и вряд ли скоро его достигнем.

Действительно, мы не можем ожидать, что какое-либо из значительных разделений между христианами будет скоро преодолено. Мечта всей жизни нынешнего Папы — увидеть восстановление общения между Римом и Востоком — разбита событиями, о которых нет нужды здесь распространять-

ся. Диалоги, направленные на разрешение внутренних западных расколов, дали много прекрасного богословия и, кажется, могут разрешить большинство традиционно разделяющих вопросов — один за одним. Но они привели к восстановлению общения только там, где разделения были поверхностными. Диалог в Финляндии между Православной и Лютеранской Церквями Финляндии был, пожалуй, самым плодотворным из всех богословских диалогов, и новое открытие в ходе этого диалога учения Лютера об обожении революционизировало изучение Лютерова наследия во всем мире. Но его последствия ограничены этой областью научных исследований.

Предлагалось много объяснений устойчивости церковных разделений. Позвольте мне предложить объяснение, в котором, по крайней мере, есть доля истины. Оно будет состоять из двух шагов. Первый шаг — наблюдение, которое не является слишком оригинальным: часть наших проблем в процессе поиска христианского единства заключается в том, что во времена разделения мы пришли к разногласию относительно самой цели, что у нас сложились несовместимые понимания того, в чем состоит единство Церкви.

Второй шаг — вот такое предположение: быть может, одной из причин наших расхождений относительно характера церковного единства является то, что наше понимание этого единства недостаточно тринитарно. Возможно, мы могли бы достичь большей ясности в вопросе о природе церковного единства, если бы более строго применяли к этому вопросу древнее правило: все дела Божии начинаются с Отца, конкретизируются в Сыне и завершаются Духом, и любое дело является делом Божиим только как общее дело Отца, Сына и Духа. Таким образом, у меня две задачи: истолковать единство Церкви в соответствии с особой ролью каждого из Лиц Троицы — Отца, Сына и Духа, а затем истолковать его с точки зрения соучастия этих ролей в любом деле Божиим.

2.

Я должен начать с Отца и с того акцента, которому в православном богословии уделяется больше внимания, чем в латинском. Единственным изначальным фактом является то, что есть Отец; это даже не факт Его бытия Богом, а един-

ственно факт Его бытия Отцом. Отец — это просто данность, это предпосылка всего другого, это наличествующая абсолютная необходимость как таковая. И тогда факт Отца является источником всего остального сущего; Он — *fons*, источник самой Троицы и всех деяний Троицы. Таким образом, все дела Троицы проистекают, в конечном счете, от Начала, которое есть просто Тот, Кто есть, помимо любых альтернатив. Если Он начинает творение, и такое творение, которое подчинено определенным законам, а не каким-либо иным, тогда существует творение и именно творение, подчиненное таким законам, а не другим. Здесь мы ничего не можем контролировать, ничем не можем манипулировать, но — только восхвалять.

При этом нельзя сказать, что нет свободы. Если Отец начинает творение, в котором должны быть свободные твари и соответствующие этому события, значит это и происходит. И мы не можем также манипулировать нашей свободой: часто мы хотели бы не быть свободными, но мы все-таки должны претерпеть свободу — о чем часто говорят русские авторы.

Церковь начинается с Отца — что это значит для единства Церкви? То, что Церковь начинается с абсолютного Отца, означает, что существование Церкви — и ее существование именно как единой и святой, католической и апостольской — не имеет никакого отношения к нашему выбору, не поддается нашему контролю. Если Церковь есть дело Божие, значит это дело начинается с Отца; и тот факт, что Церковь существует и что она должна быть единой, не может определяться какими-либо иными обстоятельствами. В связи с тем, что начало Церкви — от Отца, мы можем сказать лишь то, что Церковь одна, потому что она одна. С этой точки зрения мы церковное единство не создаем, и мы не можем его ни нарушить, ни восстановить.

Бесспорно, Отец действует в творении Своими «двумя руками», как сказал Ириней, то есть через Сына и Духа. Поэтому мы, наши намерения и действия не остаются вне единой судьбы Церкви: Тело Сына — это не что иное, как Церковь, к которой принадлежат тварные человеческие существа, даже если Дух именно нас, эти существа, оживляет и наделяет силой быть единой Церковью. Тем не менее, поскольку Церковь начинается с Отца, мы не разделяем Церковь, когда расходимся или когда сходимся вместе.

Мы часто говорим, что, несмотря на наши разделения, на глубинном уровне Церковь остается единой. Но это единство — по крайней мере, между западными христианами — часто понимается как комплекс незримых связей, существующих среди нас: в конце концов, мы можем сказать, что в вероучении у нас больше общего, чем разделяющего, и что мы призваны Христом к общим делам любви в мире и т. д. Но неустранимое единство Церкви — это не какая-то незримая связь между нами. Неуничтожимое единство Церкви заключается в ее происхождении от Отца.

В этом есть и большое смирение, и большое утешение. Это то, что лютеране называют «благовестием». Если православные и мы, реформаты и лютеране, как д-р Олстон и я, принадлежим к одной и той же Церкви, то принадлежим. Если нет, то нет. Мы не можем сделать так, чтобы это было или так, или иначе. Если вы можете признать, что лютеране — это все-таки Церковь (как мы, безусловно, признаем Русскую Церковь), тогда в этом первом тринитарном аспекте мы действительно — единая Церковь. Говоря на американском разговорном языке, мы «повязаны»; и тогда наша задача — понять, как жить в соответствии с этим бременем и благословием.

3.

Теперь перейдем к Духу. В Символе веры о Церкви и ее единстве говорится в члене о Духе. Дух есть *ruah* Отца, ветер, дующий от Него и оживляющий все, подобно тому, как в бурю колеблются листья. Дух — также Освободитель, освобождающий из плена у настоящего и прошлого. Когда кажется, что наша история с Богом остановилась, Он «налетает», как один из древних судей Израиля, и двигает историю дальше. И Он также Дух, «говоривший через пророков», ибо Слово Господне не возвращается назад, не совершив то, о чем оно говорит, и именно дыхание Духа осуществляет это.

Дух — все это вместе в жизни Самого Бога и в Его истории с нами — в богословии и в домостроительстве. Поскольку Дух есть дуновение также и триединой внутренней жизни, Он является дыханием жизни в Боге и потому «подателем жизни» для твари. Как Дух освобождает Отца и Сына друг для друга, так Он освобождает нас в истории, которую

Бог проживает с нами. Дух есть Дух пророчества, дающий Слово его силу и тогда, когда Бог знает Себя в Слове, и тогда, когда Слово открывается нам. Наверное, мы можем подытожить то, что Писание и Предание говорят о Духе, сказав, что Дух есть Сила будущего Божия, Бога как *Eschatos*, Грядущего в Своем Царстве, и что Он есть это и в Боге и для нас.

Православные богословы в диалоге с Западом давно утверждают, что жизнь Западной Церкви свидетельствует о постоянном колебании между институционализмом и энтузиазмом и что причиной этого является неверное почитание нами Духа. Я убежден, что это обвинение по большей части справедливо, хотя неопаламитское сведение этого недостатка к *filioque*, наверное, не всегда уместно. В то же время я могу сказать, что история в свою очередь свидетельствует о наличии такой же проблемы в православном богословии и жизни, поскольку прекрасные слова православного богословия об исторической свободе Церкви в Духе, как представляется многим на Западе, вступают в противоречие с практической трудностью, когда приходится иметь дело с историческими переменами. Каковы бы ни были эти взаимные подозрения, мы можем ожидать, что там, где дуновение Духа сдерживается, обязательно будет иметь место колебание между типом единства, ассоциирующимся с папским централизмом, и просто волонтаристским и понятийным единством, которым склонны удовлетворяться протестанты.

Дух есть Бог, равно как и Отец. Поэтому единство Церкви — как и ее святость, кафоличность и апостоличность — это не только то, что дано в Начале, которое есть Отец, но равным образом и будущее, к которому Дух влечет Церковь в исторической свободе. Церковное единство, которое неуничтожимо, — не недвижимое имущество; оно переживается в ходе церковной истории. Единство Церкви — это динамизм, открывшийся благодаря пребыванию в ней жизнеподательного Духа; мы даже можем сказать, что Церковь должна освободиться от разобщающих сил истории этого мира, что она должна быть освобождена, чтобы быть единой. Слово Церкви — то есть, в данном случае, продолжающаяся речь великого Предания — живо, а не мертво, потому что Дух сообщает ему силу. И поскольку Церкви дан Дух, ее единство — это не единство централизованного института и не

единство находящихся в согласии добровольных объединений, а единство живого организма.

Будучи делом Духа, церковное единство является эсхатологическим. Дух есть сила грядущего Царства, и поскольку Церковь является единой только благодаря этой силе, единство Церкви станет вполне зримым только в Конце. Тем не менее, Православию особенно ясно, что Царство — это не только будущее, но и настоящее, что, как сказал Мартин Лютер, сама Церковь есть «небесные врата». Конечное единство Церкви уже присутствует в Духом дарованной Церкви жизни. Именно это делает труд по восстановлению нарушенного общения, здесь и теперь, и возможным, и обязательным.

Позвольте мне сказать, что если мы хотим следовать заповеди Христа о единстве, если мы хотим употребить нашу свободу для того, чтобы исправить то, что должно быть исправлено, и сделать то, что ныне необходимо сделать, мы должны научиться больше уповать на водительство Духа. Разрыв общения — это историческое деяние; то, что приводит к разделению, делают действующие во времени люди. Если общение должно быть восстановлено, это произойдет также в результате исторического деяния: людям придется исправить кое-что из того, что было сделано, и делать нечто, что они не привыкли делать и, возможно, не хотят делать.

Позвольте мне привести пример из жизни моего собственного лютеранского сообщества. В период Реформации одни территории Европы смогли сохранить епископат, а другие были вынуждены установить новые формы церковного управления в качестве чрезвычайной меры, как тогда считалось. По прошествии времени церкви этих областей, а именно большей части Германии и некоторых частей Скандинавии, стали считать это чрезвычайное неепископальное церковное управление нормальным. Евангелическо-Лютеранская Церковь в Америке, к которой я принадлежу, в основном восходит к этим неепископальным Церквам и не имеет настоящих епископов. В настоящее время мы решили восстановить общение с Епископальной Церковью. Для этого мы должны, конечно, исправить однажды сделанное и искать способ посвятить епископов для восстановления преемства с древней традицией. Многим в нашей Церкви очень трудно это признать и на это пойти.

Разумеется, относиться с подозрением к некоторым предлагаемым новшествам — это, как правило, наилучшая политика. Но иногда новое на самом деле является благом; в данном случае у нас есть пример Господа: «Вот, творю все новое!» Кардинал Йозеф Ратцингер часто говорит, что преодоление главных расколов будет совершено только новым вмешательством Духа. Мы должны верить, что Дух действительно сможет это совершить. На наших устах должна быть молитва к Духу: «Приди, о Дух Святой, сломай наши затвердевшие привычки и открой нас в нашем нынешнем церковном бытии к обетованному общению Твоего народа». И эта молитва должна, конечно, продолжиться так: «И, о Дух Святой, дай нам силу различения, чтобы узнать время, когда придешь именно Ты».

4.

Единство Церкви в связи с Сыном, без сомнения, проявляется наиболее очевидно в учении Павла о том, что Церковь есть Тело Христово. В Послании к коринфянам Павел не имеет в виду, что это учение является метафорой или иным уподоблением; позднее он будет употреблять его метафорически, но когда он говорит, что Церковь есть Тело Христово, он говорит прямо: чем мое тело является для меня — тем, чем Церковь — для воскресшего Христа.

Разные аспекты этого учения имеют отношение к единству Церкви. Наиболее богатым является подход, разработанный в рамках так называемой «экклезиологии общения» и ставший главным результатом современных экуменических диалогов, вдохновленным по большей части православными. Но о Церкви как общении было так много написано, и в ходе самих диалогов и в более систематических исследованиях (в том числе и в моем собственном «Систематическом богословии»), что мне нет нужды развивать эту тему. Я бы хотел обратить ваше внимание на другой аспект реальности Церкви как тела Христового, которому было уделено меньше внимания.

Отношение между телом личности и самой личностью является тайной. С одной стороны, я просто есть мое тело. Если вы ударите по моему телу, я скажу: «Вы меня ударили». Если вы будете искать меня, вы будете искать взором

мое тело. С другой стороны, я могу, а иногда должен отличать себя от своего тела, просто употребляя притяжательное местоимение «мое». Во многих отношениях я противостояю своему телу, так что оно является объектом моего познания и воли. Мое тело может меня предать. Я могу потворствовать своему телу или дисциплинировать его. Я могу представить себя без своего тела, как святого перед Богом до воскресения.

Если Церковь — это Тело Сына, тогда в отношении к Сыну ее единство является ее единством с Ним, единством тела. И, по крайней мере, некоторые черты отношений между личностью и телом личности должны обуславливать единство Церкви. Позвольте мне привести два примера.

Первый пример. Когда мое тело предает меня, вводя меня в грех или заболевая, это настоящее предательство: нарушается единство моего тела со мной и нарушается единство моего тела с собой. Однако мое тело не перестает быть моим телом и, соответственно, одним телом. Церковь может предавать и предает Того, телом Кого она является, и когда она делает это, тогда нарушается ее собственное единство. Если бы мы не предали нашего Господа так или иначе, мы не были бы сейчас разделены. Однако мы остаемся Его единым Телом.

Отношение между личностью и ее телом в этом веке всегда отчасти является отношением предательства и страдания. Подобным же образом в этом веке отношение между Церковью и воскресшим Сыном, телом Которого она является, — это всегда отчасти отношение предательства и страдания. Парадигма и основа обоих этих фактов — отношение между Сыном и Его телом на Кресте. Если мы хотим знать, каким образом Церковь является единой в период между ее началом с Отцом и ее исполнением в Духе, мы должны участвовать в Евхаристии в Страстную пятницу и осмыслить, каким образом мы тогда являемся едиными с нашим Господом и друг с другом.

Церковь является нерушимо единой в своем происхождении от Отца. Она свободно будет едина благодаря внутреннему влечению Духа. И как это происходит в этом падшем мире, она может быть и тем и другим одновременно. Ее нерушимость и ее свобода могут быть примирены только в страдании, только как постоянно разрываемое тело Сына. Вечная роль Сына во внутренней триединой жизни состоит в том, чтобы быть едиnorodным Отца, на Котором пребывает

Его Дух, и таким образом быть примирением в собственной триединой жизни Бога как абсолютного Начала и Бога как абсолютной Свободы. В домостроительстве этого падшего мира эта примирительная роль разрывает Его тело на Кресте и разрывает Его Тело — Церковь.

Второй пример. Когда я дисциплинирую свое тело, отказывая ему в его требованиях или навязывая ему то, чему оно сопротивляется — как, например, в случае физических упражнений, — я отношусь к нему так, будто оно иное, чем я, так что, конечно, я страдаю вместе с ним, но в то же время мой ум и воля направлены на него. Христос не отказывается от Церкви, ибо она есть Его собственное Тело. Но Он может отчуждать и отчуждает ее от Себя и тем самым ставит ее единство под вопрос, чтобы ее дисциплинировать, наказать.

Моя церковь и я хотим быть в общении со всеми другими верующими. Тем не менее, мы не можем. Без сомнения, здесь есть вина — не важно чья. Но этой вине должно соответствовать наказание Господа. На заседаниях международной смешанной комиссии Всемирной лютеранской федерации и Римско-Католической Церкви всегда бывают два евхаристических богослужения — одно католическое и одно лютеранское. Лютеране всегда присутствуют на католической службе и всегда воздерживаются от причащения, хотя в некоторых случаях они могли бы причаститься. И так же поступают католики. Этим, я думаю, Господь наказывает нас в меру нашей вины за нарушение общения и делает это, именно отказывая нам в том, что мы утратили. Мы не можем знать, но мы можем задаться вопросом: быть может, стойкость нашего разделения является, по крайней мере частично, наказанием Господа Его собственному Телу?

5.

И последнее. Мы говорили о единстве Церкви в связи с ролями божественных Лиц по отдельности. Но тем самым мы, конечно, совершали абстрагирование, ибо ни одно из Лиц не действует иначе, как во взаимодействии с двумя другими. Для богословия это остается тайной, что никто из Трех не существует, кроме как для двух других и в связи с двумя другими. Как мы можем истолковать церковное единство в перспективе этой взаимности?

Первое предложение может состоять в том, что наши расхождения в понимании церковного единства являются частично результатом того, что каждая из разделенных сторон истолковывает единство Церкви в одном из его тринитарных аспектов в ущерб двум другим. Так, неоспоримо, что типичной ошибкой протестантизма является такая интерпретация церковного единства, которая понимает его только как эсхатологическую цель, к которой нас ведет Дух, не испытывая особой боли от разделения церковного тела. И, возможно, другие, наоборот, чувствуют себя слишком удобно в непоколебимом единстве Церкви, определяемом тем, что ее начало — Отец, и не принимают в расчет вероятность того, что Дух готовит новое вмешательство, о котором говорил кардинал Ратцингер, и призывает нас открыться ему на встречу?

Без сомнения, если мы будем понимать церковное единство одновременно как его данность в Отце и как его будущность в Духе, тогда нерушимое основание церковного единства в Отце, вместе того, чтобы связывать нас прошлым, даст нам уверенность, так что мы отважимся ответить на призыв Духа. И наоборот, призыв из будущего, связанного с Духом, вместо того, чтобы угрожать хаосом, может побудить нас увидеть возможности, сокрытые именно в том, что было дано нам от начала.

И тогда, как мы видели, в этом веке положенное Отцом основание и будущность Духа соединятся в страждущем Сыне. Сущее от начала и грядущее в Конце должны были бы соединиться в возрастании святости, но в действительном времени все происходит совсем не так. Мы должны ожидать, что вплоть до Конца Тело Христово будет всегда, выражаясь словами веслианского гимна, «раздираться расколами». И мы должны ожидать, что действительное движение к исцелению любого разорванного общения будет, подобно очищению и перевязке глубокой раны, причинять сильную боль, которую, если мы серьезно уповаем на Отца и Духа, мы должны быть готовы переносить с радостью.